

но покуда он останется религиозным, он никогда не достигнет своей цели, ибо всякая религия при- суждает его к нелепости и, ведя его по ложному пути, заставляет искать божественное вместо челове- ческого. В религии народы, едва освободившись от естественного рабства, в котором остаются живот- ные других пород, тотчас же впадают в новое рабство, в рабство к сильным людям и кастам, привиле- гированным благодаря божественному избранию.

Один из главных атрибутов бессмертия Богов – это, как известно, быть законодателями челове- ческого общества, основателями Государства. Человек, по уверению почти всех религий, был бы не- способен распознать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, если бы он был предоставленным собственным силам. Итак, необходимо было, чтобы само божество, тем или другим способом, спустилось на землю, чтобы просветить человека и основать в человеческом обществе по- литический и социальный порядок. Отсюда вытекает следующее торжествующее заключение: все за- конны и все предержащие власти освящены небом, и им должно всегда и во что бы то ни стало оказы- вать слепое повиновение.

Это очень удобно для правителей и очень неудобно для управляемых. А так как мы принадлежим к последним, то все наши интересы требуют ближайшего рассмотрения основательности этого утвер- ждения, которое всех нас обратило в рабов. Мы должны найти средство освободиться от его ига.

Вопрос теперь для нас чрезвычайно упростился. Бог, не существующий или являющийся не чем иным, как продуктом нашей способности к абстракции, соединенной с религиозным чувством, достав- шимся нам по наследству от животных; Бог, являющийся лишь всемирным абстракт умом, лишенным всякого движения и самостоятельного действия, – это абсолютное Небытие, представляемое в виде всевышнего существа и награжденное жизнью одной лишь религиозной фантазией, абсолютно лишен- ное всякого содержания и обогащающееся всеми реальностями земли; возвращающее человеку в из- вращенном, испорченном виде то, что оно раньше у него отняло. Бог не может быть ни добр, ни зол, ни справедлив, ни несправедлив. Он не может ничего желать, ничего устанавливать, ибо, в сущности, он ничто и становится всем лишь благодаря религиозному легковерию. Поэтому если это последнее нашло в нем идеи справедливости и добра, то только потому, что раньше само вложило их в него, не подозревая этого; думая, что получает, оно само вкладывало. Но, чтобы вложить эти идеи в Бога, че- ловек должен был их иметь! Где он их нашел? Конечно, в себе самом. Но все, что он имеет, он получил сперва в своем животном состоянии – ибо его дух не что иное, как выявление, слово его животной природы. Итак, идеи справедливости и добра должны иметь, подобно всем другим человеческим ве- щам, корень в самой животности человека.

И в самом деле, элементы того, что мы называем *моралью*, народятся уже в животном мире. Во всех породах животных, без малейшего исключения, и лишь с громадной разницей в отношении раз- витости, мы встречаем два противоположных инстинкта: сохранения индивида и инстинкт сохранения породы, или, говоря человеческим языком, *эгоистический инстинкт* и *инстинкт социальный*. С точки зрения науки, как и с точки зрения самой природы, эти два инстинкта равно естественны и, следова- тельно, законны, и что всего важнее, равно необходимы в естественной экономии существ. Индиви- дуальный инстинкт является основным условием сохранения породы; ибо если бы индивиды не защи- щались всеми силами против всех лишений, всех внешних опасностей, непременно угрожающих их существованию, то не могла бы существовать и сама порода, которая живет лишь в индивидах и через индивидов. Но если бы мы захотели судить об этих двух стремлениях, стоя лишь на точке зрения ис- ключительного интереса породы, то мы сказали бы, что социальный инстинкт хорош, а индивидуаль- ный, поскольку он ему противоположен, дурен. У муравьев, у пчел добродетель преобладает над по- роком, ибо у них социальный инстинкт, как кажется, совершенно подавляет индивидуальный ин- стинкт. Совершенно противоположное видим мы у диких зверей, и мы не ошибемся, если скажем, что в животном мире вообще преобладает эгоизм. Напротив того, инстинкт породы пробуждается лишь на короткий срок и длится лишь столько времени, сколько необходимо для воспроизведения и воспи- тания семьи.

Иначе обстоит дело с человеком. По-видимому, и это одно из доказательств великого превосход- ства человека над всеми другими породами животных – оба противоположные инстинкта, эгоизм и общественность, в человеке и гораздо могущественнее и гораздо нераздельнее друг от друга, чем во всех животных низших пород. Человек в своем эгоизме свирепее самых кровожадных зверей, и в то же время он более обществен, чем пчелы и муравьи.